

Борис Левандовский

Шумен

Борис Левандовский
Шумен

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158387

Содержание

К теме самостоятельности	4
25 афиш и немного клея	8
Обгоняя солнце	13
Когда приходится кое-что принимать	17
Особый метод	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Левандовский

Шумен

К теме самостоятельности

Что получится, если ты семнадцатилетний парень и твои родители однажды утром сообщают о своем намерении отправиться в отпуск – вроде их медового месяца «двадцать лет спустя»? Отлично, слегка удивленно отвечаешь ты, и только целую минуту спустя до твоих извилин доходит главный смысл сказанного: да ведь эта старая влюбленная парочка собирается смотаться, черт побери, *вдвоем!* Сечешь?

Ну, наверняка, если не полный даун.

Ребята, да это же просто ГЕНИАЛЬНО! – потрясенно восклицаешь ты, мысленно уже прикидывая, какие грандиозные возможности открываются впереди. И одновременно начинаешь мучаться догадками, сколько бабок окажется в твоём полном распоряжении. Видно, эти раздумия отражаются на твоей физиономии, поскольку старики замолкают и, скорее всего, мама спрашивает, все ли в порядке – не слишком ли тебя расстроило это известие, и тут же спешит добавить, что их отлучка продлится недолго – примерно две-три недели, но если ты против...

О нет, нет! – почти кричишь ты с миной бесконечного са-

мопожертвования и торопишься где-нибудь укрыться с расползающейся против воли глуповато-счастливой ухмылкой: и кто только заявляет, что Бога нет на свете! Но теперь-то ты точно знаешь, что все это происки гнусных еретиков.

А через два дня апостол Петр лично является к тебе, чтобы вручить ключи от Рая.

Первые мгновения воли с тобой спешат разделить ближайšie друзья и, конечно, лучшая подружка. Еще не успев вкусить всех благ, предлагаемых тебе этой двуличной шлюхой, имя которой Свобода, ты уже где-то в глубине души начинаешь подозревать, что будешь вспоминать об этом времени даже спустя годы.

Холодильник стараниями матушки выглядит неистощимым на несколько лет вперед, а деньги, оставленные отцом – целым состоянием, которое тебе не промотать до старости; пиво течет рекой... и, Бог мой, ты наконец чувствуешь себя Человеком, впервые в жизни получив возможность узнать как это: смотреть телевизор с задранными ногами и сигаретой между пальцев. Но главное, тебе глубоко плевать на ту кучу занудливых мелочей, которыми старики обычно обременяют все твое существование, – а что такое самостоятельность, как не возможность самому расставлять приоритеты в мелочах. Но твой Рай не вечен (как бы ты не веселился, что-то так и не дает тебе забыть до конца, что день X близится), и поэтому торопишься насладиться сполна.

Тогда ты еще не в курсе, что узнал лишь половину правды

о своем новом положении: ты только прочитал яркую вывеску, но еще не успел заглянуть за угол и увидеть, что скрывается за ней.

Начиная с пятого или шестого дня, жизнь несколько успокаивается, украдкой являются первые признаки пресыщения и легкая скука – тебя уже не так тянет шляться где-нибудь до утра, а сигаретный пепел и пивные банки, раскиданные повсюду медленным стихийным бедствием (одну находишь в пододеяльнике), уже откровенно раздражают. На седьмой обнаруживается, что неистощимый холодильник предательски опустошился – прямо пропорционально растущему Эвересту грязной посуды у кухонной раковины; что пол в ванной укрыт мозаичным ковром дурно пахнущих носок... короче, начинаешь замечать разные нехорошие вещи, о которых, похоже, тебя забыли предупредить. И худшая из них состоит в том, что от недавнего капитала, оставленного родителями, в кармане прощально звенит жалкая горстка мелочи (а до возвращения стариков еще целая вечность – дней десять или около того). Черт, ну откуда тебе было знать, ведь ты не привык тратить столько!

Вот тут и наступает жестокое похмелье от первой недели свободы, и ты растерянно глядишь вслед виляющей костлявым задом шлюхе, оставившей тебя в дураках.

* * *

Еще до того, как семнадцатилетний Макс Ковальский окончательно убедился в своей неспособности к ведению домашнего хозяйства, объявление для желающих улучшить память уже висело на фонарном столбе у детской площадки – тот самый клочок бумаги, который оказался первым шагом на его пути – в кошмар куда худший, чем он мог себе вообразить. В кошмар, из которого не существует выхода.

25 афиш и немного клея

Самозваного менеджера полудюжины львовских аматорских рок-групп по кличке Батут Макс заприметил еще издали. Тот пытался приладить цветной плакат на трамвайной остановке, расположенной по другую сторону дороги от большого католического костела у Привокзальной площади, возведенного поляками в начале XX века. Батут, похоже, не слишком годился для такой работы: уголки афиши то и дело загибались вперед, стремясь принять прежнюю скрученную форму, которую обрели в рулоне, и когда доходила очередь нижних, верхние уже изображали «козу», будто в издевку над его потугами. Батут отдувался и млея от жары, которую плохо переносил. Рядом на свободном сидении остановки Макс увидел целый рулон плакатов, скрепленных черной резинкой, и банку канцелярского клея.

Приблизившись к Батуту и наблюдая за его стараниями совладать с афишей, Макс подумал, что гораздо практичнее было бы использовать скотч.

Они познакомились позапрошлым летом, когда ехали в одном купе поезда. Их знакомство продлилось и дальше – как выяснилось вскоре, обоими двигала цель попасть на заключительный третий день рок-фестиваля в Киеве. Тогда должны были выступать такие крутые команды как «Монстер Магнетт» и «Металлика», и еще старые добрые динозав-

ры вроде «Свит» и «Смоки». Правда, затем большую часть времени они с Батутом провели в разных компаниях; после этого они еще несколько раз виделись мельком во Львове. Но сейчас Макс легко его узнал с тридцати шагов по собранному в хвост маслатому хайеру и характерно мятой рубашке с закатанными до локтей рукавами, вылезшей сзади из штанов и нависавшей над его широкой задницей как пародия на флаг страны Восходящего солнца. Возраст Батута с одинаковой вероятностью определялся в границах от двадцати до тридцати, или немногим больше.

Макс подошел к нему со спины и хлопнул по плечу. Батут подскочил от неожиданности, едва не сведя на нет труды последних нескольких минут, но все равно, казалось, был рад его видеть.

– Новая команда? – спросил Макс, разглядывая афишу с четырьмя патлатыми гильотинированными головами в духе «Дип пёпл».

– Ага, – расплылся в улыбке Батут и отер тыльной стороной ладони лоснящееся от пота лицо. Макс вдруг проникся уверенностью, что изобразить на афише группу «Драглайн-2» под «Дип пёпл», была именно его идея.

– Послезавтра лабают в «Роксе». – Батут ткнул пальцем в строку, идущую большими синими буквами под «головами», где указывалось место и время проведения концерта. – А на следующий день выступают в сборном с «Белой зоной» и «Мертвым пивнем» в зале политеха. Так что приходи.

– Почему бы и нет, – сказал Макс. – Если устроишь на шару, а то...

– Без проблем. В «Рокс» это точно устрою.

Батут снова отер лицо и продолжил заниматься плакатом.

–Кстати, как тебе идея? – Он кивнул на четверку голов.

–Твоя? Ничего, только мне кажется, я это где-то уже видел.

–Да? Черт... знаешь, мне вот теперь тоже так начинает казаться.

–Давно тут мудохаеться?

– Не так чтобы, но эта жара... уф-ф!.. просто остолбене-ла, – признался толстяк. Однако на сей раз ему удалось прилепить углы афиши как следует, либо это клей успел подсохнуть на солнце и наконец взялся за дело. – Если так пойдет дальше, до вечера не развешу и половины.

– Угу, – согласился Макс, подкуривая сигарету.

– Слушай... – вскинулся Батут, какая-то внезапная мысль постепенно проступила на его лице, будто форма начинки сквозь тесто.

– Даже не проси, – сказал Макс, улыбаясь и отступая на шаг. – Ни за что не стану этого делать.

Батут тоже улыбнулся и подался за ним.

– И не подумаю!

– Мне сегодня еще нужно успеть договориться за аппаратуру, – начал уговаривать Батут. – И встретиться с...

– Нет.

– Ну, пожал...

– Да не стану я носиться по всему городу с твоими дурацкими головами!

Толстяк шмыгнул носом и остановился.

– Почему же дурацкими? Нормальная заморочка, – он оглянулся на приклеенный плакат, вытирая потные ладони о штанины. – Слушай, мне действительно позарез нужно... ладно, я тебя понял, – и назвал сумму.

– Нет.

Тот добавил.

– Все равно нет, – сказал Макс.

Батут подумал и добавил еще.

Макс открыл рот, чтобы послать великого воротилу шоу-бизнеса дальше Камчатки, а самому отправиться домой... но вовремя вспомнил о своих финансовых затруднениях. Поэтому уточнил сумму.

Батут закатил глаза и добавил еще немного, заявив, что это предел его возможностей, уважения к себе, всяческого здравого смысла и даже самых верхних показателей на торгах Лондонской биржи, – и за большее он сам согласен лазить по городу хоть до следующего утра.

Удобный случай пополнить опустевшую казну сам, казалось, шел Макс в руки, хотя насчет верхних пределов Батут явно переборщил, да и роль расклейщика ему нисколько не улыбалась. Однако, подумав еще секунду, он согласился.

– Рассчитаемся на концерте, – подытожил Батут.

Когда Макс отмахнулся и сделал вид, будто уходит, он опять как-то сразу погрузнел и с тяжелым вздохом полез в карман за деньгами. Затем передал Макс рулон с афишами, банку клея и снабдил всяческими ЦУ, представлявшими несомненную ценность для дебила.

«Боже, ну и вляпался же я», – думал Макс, глядя, как Батут заскакивает в двери отбывающего трамвая и машет ему рукой на прощание.

Обгоняя солнце

Единственной проблемой в действительности оказалась жара. Около полудня, когда Макс встретился с Батутом и заключил сделку века, невидимая доменная печь только начинала разогреваться, однако к трем часам задышала на полную мощь. Поэтому, наследив лишь в ортодоксальных местах, Макс решил пренебречь львовской периферией и поехал домой – новая футболка вымокла насквозь, а синий текст КОНЦЕРТ СОСТОИТСЯ последние четверть часа явно тягостел к каббалистическим пермутациям. Шесть афиш из оставшихся восьми Макс отправил в ближайший мусорник.

До-ре-ми-до-ре-до, ребята.

Одну афишу Макс решил оставить себе на память, другую – повесить рядом с домом, где жил, – больше из желания развлечься, чем ради очистки совести. Подходящее местечко определилось еще по дороге – на детской площадке под его балконом на втором этаже, откуда он сможет наблюдать за реакцией народа, выходя внести свою лепту в загрязнение атмосферы. Любопытно, были ли уже в курсе чуваки из «Драглайн-2», какой плакат для них сварганил Батут? Хе-хе...

Впрочем, из-за жары Макс едва не отказался от своего намерения. Настоящее пекло – казалось, солнце нарочно го-

нится за ним по пятам, поливая мегареттенами термоядерного кошмара.

Выйдя из раскаленного троллейбуса, Макс купил в ближайшем магазине литровую бутылку минеральной воды, несмотря на то, что до дома оставалось пройти не более сотни шагов, и выпил ее одним залпом. Полегчало. Затем пошагал, блаженно отрывая, к дому, обходя его с фронтальной стороны, где располагалась детская площадка, – вернее, то, что претендовало на это название: пара скрипучих, как пружинная кровать старой проститутки, качелей, песочница да скособочившаяся горка, помнящая сотни маленьких задниц нынешних родителей.

Руки Макса были липкими от пота и дурацкого канцелярского клея, которым его снабдил Батут, из-за чего пришлось изрядно повозиться, чтобы распрямить и намазать углы афиши. Двое детей лет шести, игравших в какую-то только им понятную игру, бросили свое занятие и подбежали к Максу, взирая с открытыми ртами на четыре патлатые головы, когда афиша наконец заняла место на фонарном столбе, слегка обогнув его прямые углы по обеим сторонам. Выглядело, по разумению Макса, не так чтобы очень, но сносно.

– Дядя, а кто это с ними сделал? – спросил один из мальчишек, замороженно разглядывая головы. Несмотря на июльскую жару, он сопливил и говорил в нос.

Макс сперва не понял, а затем ухмыльнулся:

– Один ужасный шоумен по имени Батут.

– Я так и думал, – со знанием дела кивнул другой мальчишка. – *Шумен...*

Завинтив колпачок на банке с клеем и собравшись было уходить, Макс заметил, что одна сторона афиши обвисла, хотя клей на жаре схватывался довольно быстро. Что-то под плакатом, в самой середине, образовывало небольшую выпуклость, дававшую натяжение. Макс отвел отклеившуюся сторону афиши и увидел чье-то объявление, которое не заметил раньше, будучи целиком занят борьбой липких пальцев с бумагой. Объявление наверняка успело здесь провисеть не меньше месяца, поскольку отдавало явной желтизной и стремилось скрутиться в трубочку по бокам, видимо, не раз побывав под дождем; если Максу не изменяла память, последний раз капало с неба не меньше трех недель назад. Он сорвал объявление (скорее даже оно само прилипло к пальцам – похоже, еще немного и его попросту унес бы легкий порыв ветра), попытался стряхнуть, однако выяснилось, что куда проще сунуть его в карман джинсов, дабы отделаться от него без помощи другой руки, в которой Макс держал идиотскую банку с клеем и уже изрядно помятую последнюю афишу. Бумага, комкаясь, хрустнула в кармане, как древний пергамент времен Хеопса, и затихла.

Афиша благодаря подсохшему клею вновь обвила столб крепкими объятиями жены Потифара, и Макс быстро направился домой, мечтая о холодном душе.

Едва ли обратив внимание на его уход, двое мальчишек с

задранными вверх головами остались перед афишей.

– *Шумен...* – повторил сопливый, и они многозначительно переглянулись.

Когда приходится кое-что принимать

Освежившись в душе, Макс отправился в кухню и открыл дверцу огромного, двухметровой высоты холодильника фирмы “Whirlpool” с намерением что-нибудь перекусить, а заодно оценить ущерб, нанесенный припасам. Перед отъездом старики забили холодильник до отказа, да и сам Макс пару раз делал кое-какие покупки, однако сейчас картина выглядела малоутешительно. Получалось, что оставшихся у него денег, даже учитывая сегодняшний случайный заработок, едва хватало протянуть до приезда родителей. Итак, на ближайшие две недели ему обеспечена строгая диета на простой и здоровой пище.

Что ж, отлично, он как-нибудь это переживет. По крайней мере, период свободы, который он получил, того стоил. Ну, во всяком случае, первые несколько дней.

Дальше пошло уже не так гладко. К примеру, бардак в квартире, который Макс сам же и учинил, начал его порядком доставать, притом внезапно, чего он раньше никогда за собой не замечал. А вчера умудрился поссориться с Леной – впервые за целый год, что они встречались. Это произошло из-за того, что Макс отменил их давние планы сходить на премьеру Виктюка в Оперном театре, которая должна была

состояться в следующее воскресенье. Сыпал, помнится, самыми несуразными отговорками, а под конец прямо заявил, что не желает лицезреть, как по сцене носится кучка этих долбанных гомиков и вставляет друг дружке по очереди. Кажется, именно эта фраза и сделала их ссору неизбежной. А что ему еще оставалось делать? После того как он с удивлением подсчитал оставшиеся гроши и... сдал билеты. Благо еще не дошло, чтобы Лена предложила отправиться в театр с какой-нибудь подружкой вместо него.

«Тебе предстоит настоящий жизненный экзамен», – вспомнил Макс слова отца перед их прощанием в дверях и усмехнулся: сдавать экзамены без подготовки дело непростое, особенно жизненные. Старики могли бы это и учесть. Заключительный экзамен для вступления в «политех» он сдал всего за неделю до их отъезда, – но и тут не обошлось без помощи отцовской десницы.

Собравшись сварить пачку пельменей, Макс обнаружил, что на полках не осталось ни одной чистой кастрюли, равно как и ни единой вымытой тарелки, – последние три дня он ополаскивал под краном одну и ту же, когда хотел поесть, а его кружка с надписью МНЕ ЛЮБИМОМУ от чайной заварки и кофе буквально изменила изначальный цвет слоновой кости на темно-коричневый внутри и желто-потёчный снаружи, как впавший в маразм медлительный хамелеон.

Макс наскоро перекусил половиной пачки пельменей и в течение последующего часа занимался мытьем накопившей-

ся грязной посуды – *всей* посуды, – испытывая доселе неведомое чувство удовлетворения. Черт, ему это даже нравилось! Добавив последний штрих – протерев начисто обеденный стол мокрой тряпкой и аккуратно развесив полотенце и кухонную утварь на крючки, – Макс глянул вниз и, будто обращаясь к кому-то одушевленному, сказал:

– Ну что, Хулио, манали мы с тобой этот отстой.

Маленький Хулио, похоже, держался того же самого мнения, а встретить единомышленника в наши дни – редкая удача. Еще он был не прочь побеседовать по душам со своей маленькой подружкой и, сетуя на нежданную разлуку, производил нетерпеливое ерзанье. Впрочем, если честно, то Лена сразу же дала понять, что, как бы это старомодно не выглядело, сексом они займутся не раньше чем в первую брачную ночь. Макс пытался начать спорить (да и Хулио был возмущен таким пренебрежением), – существует же, наконец, петтинг – но скоро убедился, что ни к чему доброму это не приведет. И был вынужден смириться.

Мысль распространить стихийную кампанию уборки на всю квартиру возникла как-то сама собой, и Макс принял ее без протеста. Вставив компакт-диск “The Offspring” в стереосистему и врубив громкость почти на полную мощность, – ибо заниматься нудными домашними делами под музыку куда веселее, – Макс еще около часа пылесосил полы во всех трех комнатах и раскладывал вещи по их законным местам.

Когда очередь дошла до прихожей, он сделал небольшой перерыв и вышел покурить на балкон. Афиша на столбе исчезла. Видимо, ее уволокли те двое мальчишек или кто-нибудь из местных фэнов «Драглайн-2». Да и хрен с ней.

Затем Макс решил заранее подготовиться к предстоящему свиданию с Леной – точнее, к попытке примирения, которую наметил на следующий день. Он мог бы, впрочем, просто ей позвонить, но решил явиться без предупреждения (однако Макс еще колебался, стоит ли рассказывать ей *всю* правду). С другими, до нее, Макс обычно предоставлял событиям развиваться самостоятельно, – с Ленкой же все было иначе. Один Бог знает почему.

Он достал из шкафа чистые джинсы, потом отыскал свежую футболку и разложил на кресле. Нормально. Оставалось лишь не забыть с утра побриться – белокурая красotka Лена терпеть не могла, когда он лез к ней с колючей мордой, и затем была способна фыркать целую неделю, что из-за щетины у нее на лице раздражение. А завтра все должно было пройти идеально.

Поэтому, когда около девяти ему позвонил Мирон, чтобы предложить отправиться вместе на рыбалку следующим утром, Макс отказался, сославшись на неотложные дела. В пятнадцать лет ты готов явиться по первому зову друга, но проходит всего год-другой, – и у тебя вдруг появляются веские причины, чтобы пренебречь даже рыбалкой в компании старого приятеля.

Перекладывая содержимое карманов из одних джинсов в другие, Макс обнаружил то самое объявление, которое сорвал со столба, когда вешал афишу на детской площадке. Он распрямил пожелтевший клочок бумаги, чтобы прочитать.

Текст объявления являл образец предельной лаконичности:

Специалист поможет развить память. Бесплатно.

Чуть ниже значился адрес без номера телефона.

Как определил Макс, указанное место находилось где-то недалеко от центра города. Он собирался было скомкать листок, чтобы выбросить в мусорное ведро по дороге в кухню, но вместо этого еще раз взглянул на него.

Подобные объявления Максиму доводилось встречать и раньше в каком-нибудь самом скромном газетном закутке, если газета вообще попадала к нему в руки, что случалось крайне нечасто. Однако это объявление возбудило в нем какое-то необычное любопытство. И еще нечто, что Макс не смог сразу определить, зато ощутил почти физически – будто по коже пробежала гигантская сороконожка.

Кроме того, во всем этом присутствовала изрядная доля очевидной несуразицы.

Во-первых, какого черта кому-то понадобилось тащиться аж сюда, чтобы повесить это объявление в столь неподходя-

щем месте? Во-вторых, – что значит «бесплатно»? Должно быть, у этого «специалиста» поехала крыша, если он намерен возиться с кем-то задаром, пускай даже охочих запоминать стозначные числа и цитаты из рекламных телеблоков с первого раза найдется немного. В третьих, не был указан номер телефона, только адрес, причем не на отрывной «лапше», а был накарябан обычной шариковой ручкой прямо под текстом, словно того, кто дал это объявление, не особо заботило, прочтет кто-нибудь его или нет. Удивительно, что оно вообще так долго провисело на столбе. У Макса мелькнула забавная мысль, что, возможно, он единственный человек в мире, который его прочитал. Во всяком случае, именно *это* объявление. И опять дала знать о себе юркая сороконожка, похоже, облюбовавшая уютное местечко у Макса между лопаток.

Положив объявление на журнальный стол, Макс вдруг решил внести кое-какие коррективы в свои завтрашние планы. Нет, он не собирался отменять визит к Лене, просто перед тем заскочит по указанному шариковой ручкой адресу. Что бы ни скрывалось за этим объявлением, оно вызывало достаточно любопытства.

Макс сделал два шага от журнального стола и на секунду замер, – кажется, до него наконец дошло, что, кроме удивления, в нем пробудило объявление.

Какое-то странное предчувствие.

Или предчувствие чего-то странного.

Ночью ему приснился Батут.

Он вошел в комнату из шкафа и спросил, хочет ли Макс увидеть классный фокус, и, не дожидаясь его ответа, щелкнул возникшим в руке кнутом. Вслед за этим дверцы шкафа вдруг опять распахнулись, и оттуда, прыгая как мячи, выскочили четыре отрубленные головы участников «Драглайн-2».

Новый щелчок кнута – и головы, продолжая дикую скачку по комнате, в немыслимом ритме затанули хором «Лолейню» тонкими педерастическими голосами.

«Видал?» – Батут, будто сам не ожидая такой прыти от голов, перевел восхищенный взгляд на Макса.

«Крутая заморочка, правда?»

«Наверно, им понравится», – сказал Макс, точно зная и в то же время не имея ни малейшего представления, кто такие *они*.

Он пнул ногой ближайшую к нему голову, принадлежавшую, кажется, соло-гитаристу. Та прокатилась у Батута между ног и с воплем врезалась в стену.

«Гол!» – сказал Батут удивленно, словно неожиданно обгадился на людях.

«Ладно, убери их, пока они тут все не перемазали».

Тот коротко передернул кнутом, и головы, по очереди запрыгнули обратно в шкаф.

Батут вошел за ними.

«Увидимся на концерте», – он махнул рукой на прощание, будто садился в трамвай, и закрыл за собой дверцу.

«Пока-пока...» – бросил Макс, обнаружил, что сидит на диване, облаченный в какой-то дурацкий костюм, а на коленях у него лежит ярко-красный колпак с черной поперечной надписью ШУМЕН.

...И проснулся.

Особый метод

Славная улица Пекарская, многие десятилетия не менявшая своего названия несмотря ни на какие передрыги в жизни города, начинается недалеко от центра Львова – в той части, где раскинулся Галицкий рынок и рукой подать до исторического музея оружия Арсенал, – и бежит себе дальше, виляя и растекаясь по сторонам, как полноводная река, многочисленными улочками, улицами и переулками. Оказываясь в здешних краях, Макс обычно испытывал мощный наплыв умиротворения и уюта исходившего, казалось, от самой атмосферы улицы, ее дороги, мощеной чуть выпуклой и отполированной годами до матового блеска брусчаткой, ее узеньких тротуаров, бегущих вдоль домов старинной постройки, зелени перекрестков. Он помнил это чувство с детства, когда приходил с родителями в гости к деду, который жил недалеко отсюда в одном из проулков и умер пять лет назад.

Однако сегодня с Максом этого не произошло. То ли он слишком повзрослел, и его чувства каким-то образом припустились, перестав улавливать здешнюю ауру, то ли он чересчур переживал, что ему не удастся помириться с Леной. Макс собирался направиться к ней сразу после того, как проверит, что находится по указанному во вчерашнем объявлении адресу (он, впрочем, поймал себя на мысли: не является ли это на самом деле поводом, чтобы немного отсрочить их

встречу, хотя идея, конечно, принадлежала ему и ни к чему не обязывала).

А может, он просто давно тут не бывал – со дня похорон деда, – и Пекарская его *забыла*.

Макс дошел до здания военного госпиталя, тонущего в сочной зелени каштанов по левую руку, и, сверившись с адресом в объявлении, повернул направо.

Примерно через три минуты ходьбы он оказался перед нужным домом, имевшим четыре этажа и украшенным маленькими балконами с фигурной лепкой. Войдя в парадное, Макс решил воспользоваться собственными ногами, а не лифтом, чтобы подняться на верхний этаж, и наконец остановился у лакированной под красное дерево двери с номером 8. Его сердце почему-то усиленно застучало, когда он потянулся к синей пуговице электрического звонка, но Макс был слишком взволнован, чтобы обратить на это внимание.

Сороконожка между его лопаток слегка шевельнулась, разминая двадцать пар колючих ворсистых лапок, и вновь обрела сонную бездвижность, в которой пребывала большую часть времени.

«Выходит, обычная квартира», – успел подумать Макс, когда услышал шаги по ту сторону двери.

Ему открыл совершенно лысый дядя лет под шестьдесят. На нем был серый спортивный костюм и белые кроссовки “Brooks”, будто он собирался совершить пробежку по улице или отправиться в спортивный зал.

– Здравствуйте, я по объявлению, – сказал Макс.

– Простите? – казалось, хозяин был искренне удивлен его заявлением.

– А разве... – Макс слегка обескуражено полез в карман джинсов за пожелтевшим клочком бумаги. – Разве оно не ваше?

Лысый секунду разглядывал объявление, так, словно нечто подобное видел впервые в жизни, и в то же время с явным узнаванием.

– Ах, ну да... конечно. Тогда добро пожаловать, – он посторонился, приглашая Макса войти, и закрыл за ним дверь.

Следуя за хозяином через длинную прихожую в одну из комнат, с такими же высокими потолками, как и в квартире его покойного деда, Макс испытывал не свойственную ему неловкость, нараставшую с каждым шагом, причин которой он пока не мог понять.

– Итак? – произнес хозяин, усадив Макса в большое мягкое кресло и сев напротив в такое же, низкое и широкое, в котором запросто можно было разместиться двум людям средней комплекции и даже немного вздремнуть. – Чем обязан?

Макс неожиданно понял, что начинает отчаянно краснеть, – похоже, в этом естественном вопросе и заключалась причина его странной неловкости. Действительно, а какого черта ему нужно? Странно, но по пути сюда ему почему-то и в голову не пришло придумать сколько-нибудь подходя-

щую причину, а теперь Макс медленно заливался краской, чувствуя, что выглядит полным идиотом. Потому что единственным поводом этого визита служило обычное любопытство. Именно оно.

И, возможно, кое-что еще.

– Ну-с... – хозяин выжидающе смотрел на него. – Не стесняйтесь, иногда такое бывает: мы видим что-то, что нас влечет, побуждает сделать первый шаг, а когда приходит время действовать по-настоящему, нами вдруг овладевают сомнения, боязнь представить себя в невыгодном свете... разве не так?

При слове «влечет» Макс внутренне встрепенулся, поскольку так оно и было. Объявление не просто вызвало у него сильное любопытство, оно его *влекло* – подобно желанию попасть на следующий уровень новой компьютерной игры, до которого еще ни разу не удавалось добраться (чтобы взглянуть хотя бы одним глазком). Не совсем точно, но похоже на то. В действительности *это* было еще сильнее, – и Макс осознал лишь сейчас, насколько.

– Я хотел только узнать, – внезапно признался он. И сразу ощутил какое-то облегчение.

– Увидеть, что за всем этим стоит, – кивнул лысый, словно прекрасно понимал, о чем идет речь, словно был *уверен* в присутствии этого *влечения*. – И что же тут зазорного?

– Ничего, – ответил Макс и подумал, что теперь может с чистой совестью свалить.

– Тогда давайте знакомиться... вы куда?

– У меня еще есть дела. Правда. Наверное, мне вообще не стоило... – однако Макс снова опустился в кресло.

– Я несколько не сомневаюсь, что у такого молодого человека, как вы, масса всяческих дел в куда более интересной компании, нежели со стариком, вроде меня, – улыбнулся хозяин квартиры, давший странное объявление. – И, конечно, не стану вас задерживать. Но раз уж мы встретились, позвольте угостить вас чаем. Или вы предпочитаете кофе?

Пиво, я бы предпочел банку-другую холодного пива, и чем дальше отсюда, тем лучше – хотелось сказать Макс, но он попросил чай.

– Надеюсь, это не сильно повлияет на ваши планы?

– Нет, несколько, – отказываться Макс посчитал крайней бестактностью, особенно после того, как стала очевидна истинная причина его прихода.

– Вот и прекрасно, – мужчина вышел из комнаты, оставив его в одиночестве. Вскоре Макс уловил доносящийся из кухни звон чашек и подумал, что они с хозяином так и не успели представиться друг другу; впрочем, он вспомнил, что это произошло по его же вине.

Пока тот возился в кухне, Макс получил возможность спокойно осмотреться. Сомнительно, чтобы занятия по улучшению памяти были способны принести лысому такой достаток. Да и судя по их встрече, клиенты к нему не ломились толпами. Хотя, впрочем, кто знает. Либо это занятие

являлось чем-то вроде хобби.

Комната, скорее всего являвшаяся гостиной, была обставлена массивной красивой мебелью в стиле рококо или близкому к нему, вероятно, не менее старинной, чем сам дом. На двух стенах и на полу роскошь интерьера подчеркивали большие ковры, которые Макс определил как «персидские», хотя вряд ли мог разбираться в таких вещах. У противоположной стены на столике с изогнутыми фигурными ножками стоял телевизор; только он и пара кресел, одно из которых занимал Макс, заметно выпадали из общего стиля. На торцевой стене справа от него, более узкой – висели картины с пейзажами старинных улиц, в которых Макс сразу узнал львовские – такими, как они выглядели, наверное, лет сто назад: без машин, снующих туда-сюда, без назойливо-пестрых витрин нынешних магазинов, без дурацких рекламных щитов. Чудилось, вот-вот из-за таинственной границы полотна на дорогу выедет антикварный автомобиль со смешными клаксонами-клизмами по бокам или конный экипаж, и даже отсюда можно будет услышать, как цокают подкованные копыта о булыжную мостовую, уловить голоса совершающих променады пар, разодетых по моде тех времен...

Гостеприимство лысого хозяина, несмотря ни на что, показалось Максиму вдруг... как бы это сказать? – странным? преувеличенным? подозрительным? Сороконожка на сей раз проявила гораздо большее беспокойство, чем перед дверью, когда он собирался позвонить, энергично перебирая мохна-

тыми лапками и, похоже, не собираясь так просто сдаваться. Если бы тот его выставил, только узнав, что имеет дело с парнем, которому больше нечем заняться, кроме как срывать разные объявления да шляться по адресам, убивая понапрасну и свое и чужое время, Макс счел бы это куда более логичным развитием событий. Вот в чем было дело. И ему захотелось немедленно подняться, выйти в коридор и, даже не попрощавшись, выскользнуть за дверь – короче, дать дёру. Но он остался на месте, прислушиваясь, как «специалист по развитию памяти» занимается приготовлением чая.

Краем глаза Макс уловил какое-то движение в комнате и резко повернул голову. Через дверной проем неторопливо входил дьявольски жирный черный котяра, правильнее даже сказать вползал, настолько трудно было ему удерживать собственный вес. Глядя на кота, создавалось впечатление, что у него внутри при каждом шаге перекачивается футбольный мяч.

Макс слегка наклонился вперед, с удивлением рассматривая вошедшее существо, почти наверняка страдавшее одышкой и гипертонией, но сохранявшее при этом поразительно важный вид, и чисто автоматически произнес «кис-кис». Двадцатикилограммовый кот, приходившийся, без сомнений, дальним родственником самому Бегемоту, медленно ступил на середину комнаты, к чему-то принялся и, даже не удостоив Макса мимолетного взгляда, перекатился на бок рядом с пустым креслом хозяина, часто-часто дыша. Бедня-

гу, должно быть, ко всему еще и распирали газы. Макса не удивило бы, если б огромный кот вдруг заметался по комнате, устроив грандиозный пердеж и сдуваясь как воздушный шар.

Он снова вернулся к созерцанию полотен с львовскими улицами, когда в гостиную вернулся хозяин, неся две чашки чая.

– Вижу, они вам понравились, – сказал тот, передавая одну чашку Максу. – Трудно поверить, но еще каких-то неполных сто лет назад Львов был одним из культурных центров Европы. Сегодня об этом уже никто и не помнит... Ну вот, что это я, – спохватился он, – ведь ни в данном случае, ни вообще – память нас не интересует. Вы же здесь совсем по другому поводу.

С таким же успехом он мог сказать: «Ты просто приволок сюда свою любопытную задницу глянуть на чудака, который развешивает подобные объявления, и даже не подумал потрудиться, чтобы состряпать сколько-нибудь пристойную легенду».

Макс поставил чашку горячего чая на широкий подлокотник кресла, который мог вполне сойти и за небольшой столик для одного человека, и увидел протянутую ему руку.

– Леонтий, – представился хозяин. Макс, чуть приподнявшись с кресла, пожал его руку и представился сам. Рука у лысого была худой, но цепкой и холодной. Обычно после такого соприкосновения еще несколько минут чувствуешь, будто

обменялся рукопожатием с крабом.

Сделав шаг к своему креслу, Леонтий едва не наступил на распластавшегося внушительной кучей шерсти кота и, едва удержав равновесие, пнул того с неожиданной злобой.

– Пошел отсюда, тварь!

Пинок вышел приличный, однако здоровенный кот всего лишь издал короткий «мяк» и, с видимым трудом поднявшись на лапы, тут же рухнул снова на бок в четверти метра от прежнего места.

– И чем же вы занимаетесь? – осведомился лысый, помешивая ложкой сахар в чашке. Макс не мог определить, действительно Леонтия интересует эта тема или тот задал вопрос для поддержания беседы. Ему еще никогда не доводилось оказываться в настолько дурацкой ситуации: сидеть в чужом доме, распивая чай с незнакомцем, который годился бы ему в деды, и понятия не иметь, о чем с ним толковать. Разве что о любви к животным? И самое занятное, что он сам являлся инициатором этой странной встречи. Макс в очередной раз поразился: каким, спрашивается, полушарием своей задницы он пытался соображать, когда надумал направиться по здешнему адресу. Но, похоже, это был один из тех риторических вопросов, что иногда как будто умышленно скрываются от нашего понимания.

– Так значит передо мной будущий студент, – получив ответ, кивнул лысый так, словно это все объясняло, включая появление пятен на солнце и существование снежного чело-

века. – Что ж, тем еще интереснее, намного интереснее, – теперь он, казалось, о чем-то про себя размышлял. Тем не менее, посвящать Макса в эти загадочные размышления он явно не торопился, отчего и без того нелепая ситуация окончательно превратилась в некое подобие сюрреалистической пьесы, которая даже не нуждалась в зрителях.

– Просто чертовски интересно, – повторил Леонтий.

Подавив новый приступ желания скорее выбраться из этой квартиры, Макс взял чашку с чаем, сделал глоток и посмотрел на часы. Было почти одиннадцать. Если церемония прощания не слишком затянется, в чем, как надеялся Макс, не приходилось сомневаться, то к полудню он успеет встретиться с Леной; вряд ли она куда-нибудь уйдет из дому так рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.